

Оригинальная статья/Original article

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.168-178>**Сравнительный анализ употребления зоолексики (зоонимов) в текстах русских народных и современных песен (на примере зоонимов подгруппы домашних животных)****Ли Фэн***Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия**lifeng1990@mail.ru***Аннотация**

Настоящее исследование посвящено сравнительно-диахроническому анализу употребления зоонимов подгруппы домашних животных в русском песенном жанре с XIII в. по настоящее время. Выявлены частотные характеристики, семантические трансформации и метафорическая образность зоонимов в различные исторические периоды. На материале русских народных песен (былин, обрядовых, лирических, крестьянских хороводных песен), а также современных фольклорных текстов прослеживается эволюция зооморфной символики: от сакрально-хозяйственных значений в средневековом фольклоре до метафорической полифункциональности в современной авторской песне. Особое внимание уделено изменению коннотаций зоонимов, а также устойчивым архетипическим образам. Методология включает количественный анализ частотности употребления зоонимов в корпусе текстов, лингвокультурологический анализ их метафорических функций и сравнительно-исторический подход к интерпретации семантических сдвигов. Результаты исследования демонстрируют, что зоонимы подгруппы домашних животных в русской песенной традиции служат не только средством образности, но и важными маркерами культурной памяти, отражающими изменения в мировоззрении и социальных практиках.

Ключевые слова: песенный жанр, зоонимы, зоолексика, метафорический образ, диахронический аспект, лингвокультура

Для цитирования: Ли Фэн. Сравнительный анализ употребления зоолексики (зоонимов) в текстах русских народных и современных песен (на примере зоонимов подгруппы домашних животных) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 5-6. С. 168–178.
<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.168-178>

Comparative analysis of the use of zoolexicon (zoonyms) in Russian traditional and modern folk songs (a case study of zoonyms denoting domestic animals)

Li Feng

Kazan Federal University, Kazan, Russia

lifeng1990@mail.ru

Abstract

A comparative diachronic study of the use of zoonyms denoting domestic animals in the Russian song genre from the 13th century up to now was carried out based on a quantitative analysis of their frequency of use, a linguoculturological analysis of their metaphorical functions, and a comparative historical interpretation of their semantic shifts. The material selected for the study included traditional (epic, ritual, lyrical, and peasant dance songs) and modern folklore. The frequency of occurrence, semantic transformations, and metaphorical functions of the identified zoonyms in different historical periods were examined. The overall evolution of zoomorphic symbolism was traced: from sacred and economic value in medieval folklore to metaphorical polyfunctionality in modern author songs. Special attention was paid to the changing connotations and stable archetypal images. The findings derived from the analysis indicate that zoonyms of the studied subgroup in Russian folk songs serve not only as means for creating imagery but also as markers of cultural memory, reflecting significant changes in worldview patterns and social practices.

Keywords: song genre, zoonyms, zoolexicon, metaphorical image, diachronic aspect, linguoculture

For citation: Li Feng. Comparative analysis of the use of zoolexicon (zoonyms) in Russian traditional and modern folk songs (a case study of zoonyms denoting domestic animals). *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2025, vol. 167, no. 5-6, pp. 168–178. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.168-178>. (In Russian)

Введение

Диахроническое изучение лексики представляет значительный интерес для лингвистики, поскольку позволяет проследить эволюцию языковых единиц в контексте культурных и социальных изменений. Особое внимание привлекает «фаунистическая лексика», которая представляет собой одну из универсальных тематических групп в словарном составе языка. Центральное место в данной системе занимают наименования животных», или зоолексика¹. Лексемы этой группы не только выполняют номинативную функцию, но и часто выступают в качестве символов, метафор и устойчивых образов в фольклоре. Зоонимы и зоолексика могут выражать конкретные качества или черты характера человека, служат индикатором культурных стереотипов и общественных установок.

Русский песенный жанр, включая как древние эпические и обрядовые песни XIII–XVI вв., так и современный фольклор, предоставляет богатый материал для изучения динамики зоонимов. Для каждой лингвокультуры характерна определенная система

¹ Киндря Н.А. Английские и русские фразеологизмы с компонентом-зоонимом в свете истории культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.

концептов, которые отображаются через призму чувств, эмоций, духовных, религиозных представлений, верований, что, в свою очередь, является проекцией многовекового опыта народа, этноса [1, с. 3]. В традиционной культуре животные наделялись особым семиотическим статусом, выступая в качестве тотемов, мифологических персонажей или аллегорий человеческих качеств. Сопоставление их употребления в текстах разных временных периодов позволяет выявить изменения в мировоззрении, трансформацию поэтики и влияние внешних факторов на язык фольклорного песенного творчества, которое является одним из ключевых элементов культуры любого этноса [1].

Целью настоящей работы является анализ функционирования зоолексики в текстах русского песенного жанра в диахроническом аспекте (от средневековых текстов до современного фольклора). В задачи исследования входит выявление частотности и семантики зоонимов в песнях XIII–XVI вв., сопоставление указанных параметров с таковыми в современных фольклорных текстах, определение основных тенденций в изменении символического значения и роли зоонимов в песенной традиции.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного изучения русской фольклорной лексики в исторической перспективе, а также недостаточной разработанностью темы зоонимов в контексте диахронической лингвистики. Полученные результаты могут внести вклад в понимание эволюции языковой картины мира и культурных кодов, закрепленных в песенной традиции.

Методологическую основу работы составляют сравнительно-исторический, контекстуальный и семантико-культурологический анализ, позволяющий проследить трансформацию зоонимов на разных уровнях языка (лексическом, стилистическом и символическом).

Материалы и методы

Термин «зооним» в современной лингвистике трактается неоднозначно. Терминологическая вариативность подтверждается также словарями и справочниками, которые интерпретируют данный термин двояко: как нарицательное наименование представителя животного мира (например, волк, змея, сокол) и как имя собственное – кличу животного (например, Шарик, Мурка, Буян)² [2].

Традиционный (ономастический) подход ограничивает зоонимы лишь именами собственными, исключая нарицательную лексику. Этой же позиции придерживается, в частности, Г.Ф. Ковалев, утверждающий, что расширительное толкование зоонимов лишает термин его категориальной специфики [3, с. 114]. Аналогичное понимание встречается в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой, которая трактует «зоонимы» исключительно как собственные имена (клички) животных в качестве объекта лингвистического изучения [4].

Однако расширительная трактовка термина получает все большее распространение особенно в лингвокультурологических и фольклористических исследованиях [5]. А.В. Суперанская отмечает, что в ряде контекстов (например, в паремиологии и фольклоре) граница между собственными и нарицательными именами животных размывается, поскольку зоонимы часто функционируют как символы или архетипы [6, с. 89]. В.В. Морковкин полагал, что употребление термина «зооним» по отношению к наименованиям животных в целом является не самым удачным, и предлагал использование более широкого термина «зоолексема» или «зоонимосодержащая лексема» [7].

² Теппееева Д.Р. Лингвокультурные особенности фольклорного песенного дискурса (религиозные и эмоционально-чувственные концепты): дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2020. 165 с.

«Зооним» понимается нами как полифункциональная лексическая единица, функционирующая в двух основных аспектах: денотативном (зоосемизм – название животного) и коннотативном (зооморфизм – оценочная характеристика человека). В настоящем исследовании мы придерживаемся широкой трактовки термина «зооним», приравнивая данный термин к термину «зоолексема».

Зоонимы аккумулируют культурные смыслы, понимаемые как идеациональные образования, соотнесенные с культурными объектами (денотатами) в их семиотической функции, репрезентируя их информационное, эмоциональное и экспрессивное содержание (значение). Зооморфный код культуры, будучи интегральной частью языковой картины мира, находит свою фиксацию в лексическом составе языка, паремиологическом фонде и фразеологических единицах, осуществляя концептуализацию как внешней, так и внутренней реальности человека; примером в русском языке является эталонизированное представление о крепком здоровье, выраженное во фразеологизме *здоров как бык*.

Наиболее многочисленная группа зоонимов, встречающихся в жанре русской песни, – наименования птиц (например, *соловей*, *кукушка*, *сокол*). Реже отмечаются лексемы *гусь*, *орел*: *Ой да, не быстра речушка шумит, / Не Дунай-речка говорит, / Не сизые орлы клычут, / По-над небесью летят. / Не серые гуси гогочут, / Они есть хотят*. Это объясняется символикой птицы – в том числе ее связью с феноменом смерти, духовным миром, свободой от земной жизни (I).

В настоящей работе мы фокусируемся на анализе зоонимов подгруппы «домашние животные»: *баран*, *боров*, *бугай*, *бык*, *вол*, *кобель*, *коша*, *козел*, *конь*, *кобыла*, *корова*, *кот*, *кошка*, *лошадь*, *овца*, *осёл*, *ослица/ослиха*, *свинья*, *собака*. Как указывает В.И. Карасик, обозначенные лексемы обладают особой концептуальной значимостью в народной картине мира, формируя устойчивые ассоциативные связи между животным и человеческим миром [8].

В лингвистических исследованиях отмечается, что каждый зооним характеризуется тремя взаимосвязанными уровнями семантики. Первый уровень, обозначаемый как «*обыденный*», представляет собой номинативное значение, непосредственно указывающее на конкретный вид животного. Второй уровень, «*мифологический*», отражается в традиционной культуре и фольклорных нарративах этноса. В результате взаимодействия этих двух пластов формируется стереотипный образ зоонима, который актуализируется при зооморфной характеристике человека.

Одним из перспективных направлений является исследование песенного дискурса, что объясняется важностью разнопланового изучения языка. Песенный жанр амбивалентен, он существует как в устной, так и в письменной форме, обладает богатым лингвокультурным потенциалом, поскольку репрезентирует вечные человеческие ценности [1, с. 10]. Фольклорные и авторские песенные тексты выступают в роли своеобразных хроник, фиксирующих трансформации языковой картины мира и динамику социокультурных процессов. Изучение данных процессов в диахронии позволит оценить изменения в лингвокультуре русского языка через призму использования зоолексики как индикатора культурных и исторических стереотипов и общественных установок, что обуславливает теоретическую значимость настоящего исследования.

Песенный фольклор является уникальным лингвокультурным феноменом, аккумулирующим мировоззренческие, этические и эстетические концепты этноса. Как отмечает Т.В. Цивьян, фольклорные тексты, и особенно песенные, представляют собой концентрированное выражение языковой картины мира, сохраняя архаичные пластины сознания [9]. Песенный дискурс служит ценнейшим источником для реконструкции не только языковых

особенностей, но и глубинных культурных кодов, отражающих историческую динамику этнического самосознания. Жанры народных песен (лирические, обрядовые, плясовые, игровые, хороводные, календарные, солдатские, шуточные и трудовые) охватывают широкий диапазон человеческих ценностей и образуют сложную систему, в которой находят отражение все сферы человеческой жизнедеятельности. Изучение зооморфной лексики в фольклорных текстах позволяет выявить не только эволюцию языковых форм, но и глубинные изменения в системе ценностных ориентаций [10]. Особую методологическую ценность представляет анализ зоонимов как маркеров этнокультурной идентичности.

Анализ частотности употребления зоонимов в исторических песенных текстах позволяет исследователям выдвинуть ряд детерминирующих факторов, таких как, например, традиционная роль животных в хозяйственной деятельности человека, которая обеспечивала постоянный визуальный контакт и возможность наблюдения за их морфологическими и поведенческими особенностями. Немаловажными также являются широкая ареальная распространенность определенных видов, а также их интеграция в нарративную структуру фольклора, включая как сказки, легенды и поверья, так и песни. В исторической динамике взаимодействия человека и животного мира прослеживаются две устойчивые тенденции, сохраняющие свою актуальность в современных культурных практиках: антропоморфизация (приписывание антропоморфных характеристик животным) и зооморфизацию (наделение человека зоологическими атрибутами).

Материалом исследования послужили тексты русских народных песен XIII–XIX вв., а также современного русского песенного жанра начиная с XX в. Нами проанализировано 543 текста, зоонимы из которых были отобраны и затем подвергнуты количественному и качественному анализу. В настоящем исследовании мы фокусируемся на сопоставлении специфики использования зоонимов подгруппы домашних животных в русских народных песнях XIII–XVII вв. и текстах современного жанра народной песни (фолк-направление).

Результаты и обсуждение

Зооморфная метафора – распространенный способ описания человека через сравнение его с животными. Такая метафора является когнитивной проекцией «образа» животного на характеристику человека или реалий окружающей действительности [11]. Формирование зооморфных образов основывается на повседневном опыте взаимодействия с животными, в ходе которого фиксируются их внешние особенности и модели поведения. Эти эмпирические данные становятся основой для построения аналогий с человеческими качествами (внешний облик, когнитивные особенности, поведенческие паттерны и др.). При формировании зооморфного метафорического переноса немалую роль играет стереотипизация – говорящий «вкладывает» в метафору самый яркий образ, характерный для того или иного животного [12].

Для подгруппы домашних животных наиболее релевантной при переносе оказывается категория физических качеств, внешнего облика и поведенческих паттернов, что объясняется их постоянным бытовым взаимодействием с человеком. Как справедливо отмечает А.А. Зализняк, интенсивный контакт с домашними животными создает условия для детального наблюдения их повадок и последующей антропоморфной проекции [13].

Специфический особенностью рассматриваемой лексической группы является наличие гендерных пар: *козел/коза*, *конь/кобыла*, *кот/кошка* и др. Как показывает исследование Е.Л. Березович, наибольшая концентрация антропоморфных характеристик сегодня наблюдается в номинациях кошки и собаки, что связано с их особым статусом домашних любимцев [14]. Стоит отметить, что в ходе исследования мы установили диахронические изменения в семантических особенностях зоонима *собака*: в текстах песен XVII–XIX вв.

он используется для эмоционально-ассоциативной передачи образа врага, часто – в качестве бранной лексики, например: *Насилу король сам-третей убежал, / Бегучи он, собака, заклинается: / Не дай, боже, мне на Руси бывать* («Царь Федор Иоаннович»); *Прокличет с небес господен глас / Ибо еси собака Крымской царь! / то ли тебе царство не свёдомо?* («Песня о Грозном Царе Иване Васильевиче»); *Увидаль-же Алеша самъ-отъ Скимъ-отъ звърь, / Онъ вставалъ, воръ-собака, на задни ноги* («Какъ у насъ было на святой Руси») (II). Анализ современных песенных текстов демонстрирует отсутствие указанного эмоционального компонента, что обусловлено эволюцией восприятия образа собаки – в современном языковом сознании произошла его кардинальная трансформация и собака приобрела статус «друга человека», что повлекло за собой смену коннотативной нагрузки с отрицательной на положительную: *Вернись поскорее, мой маленький друг. / Найдите собаку, найдите собаку!* (В. Шайнский, «Пропала Собака»); *Рыжий щенок, веселый щенок. / Щенок по имени Пес. / Хвост крючком, уши торчком / И черный пуговкой нос* (Н. Бирман, «Щенок по имени Пес»). Все чаще появляются песни, привлекающие внимание к брошенным собакам, что коррелирует с современными гуманистическими тенденциями, например: *Люди мимо шли и улыбались: / Мокрый и забавный пес, / Может, потерялся, может быть, / Совсем-совсем бездомный... / Разве люди знать могли, что он / Который день все ждет и ждет? / Есть уютный дом, / Но никого нет дома* (Ю. Шатунов, «Бездомный пес»); *Город под небом мгновенно замерз, / Брошенный пес приютился в прихожей. / Небо над городом, полное звезд – / Мы так похожи...* (Сплин, «Мороз по коже»).

Важное место в русском фольклоре занимает зооним *кошка*, который в русской языковой картине мира устойчиво ассоциируется с комплексом положительных коннотаций, отражающих особый статус этого животного в системе традиционных ценностей. Наименования этого животного часто встречаются в колыбельных, что можно причислить к характерным особенностям фольклорных традиций русской лингвокультуры: *Котя, котенька, коток, / Приди, котик, ночевать, / Нашу деточку качать* («Котя, котенька, коток»); *У семи да у мостов / спать ложатся сто котов: / как заснет последний кот – / моя доченька уснет* (Народная колыбельная); *Васька-кот, не ходи, мою детскую буди, / Спи, дитяtko, здорово, вставай весело, / Вставай весело, на улице рассвело* («Ходит сон по терему»). Мы видим здесь специфику метафорического образа зоонима: кот, кошка выполняют функцию хранителя, защитника, того, кто помогает уснуть и создает уют. Современный песенный дискурс сохраняет данную коннотацию: *Обернусь я белой кошкой, / Да залезу в колыбель. / Я к тебе, мой милый крошка, / Буду я твой менестрель* (Мельница, «Белая кошка»); *Будем гладить всех мурчащих, / Теплых, сонных, настоящих, / Запуская руки в меховые животы. / Переменчивы все веци / В странном мире человечьем. / Постоянны мягкие мурчащие коты* (Fleur, «Теплые коты»).

Статистический анализ фольклорных текстов демонстрирует, что на зоонимы *кошка* и *собака* приходится около 42 % всех антропологических переносов в рассматриваемой подгруппе.

Однако центральным компонентом русской лингвокультуры является зооним *конь*, «самое мифологизированное животное в русской культуре, чью pragmatische значимость в быту трудно переоценить» [16, с. 203]. Данный зооним встретился в текстах 30 % исследованных песен XIII–XVI вв., 21 % песен XVI–XIX вв., 29 % современных песен, что показывает стабильную частотность употребления изучаемой лексемы в русских песенных текстах и доказывает важную роль, которую играет образ коня в русской лингвокультуре. Как отмечает Б.Н. Путилов, в русских былинах и исторических песнях он во-

площает идею верности и жертвенности (ср., например, устойчивые выражения *добрый конь, верный конь* и др.) [16].

В первую очередь отметим песни, в которых конь предстает верным другом воина, солдата: *Онь садился-же Алеша во на добра коня, / На добра коня богатырского* («Как у нас было на святой Руси»); *Померъ, померъ полковничекъ своей скорой смертью. / Оставляль-же полковничекъ жену молодую, / Оставался конь вороный со всей ратной сбруей* («Стала, стала дѣвочонка»); *Привяжу я добра конюшка / Ко сырому ко дубу / Ко девицы ко шатру* («Поехал добрый молодец»); *Нету, нету у молодца, нету ни товарища / Товарищ у молодца – его добрый конь* («Нету, нету у молодца»); *Подъ кустомъ-то лежитъ тѣло бѣлое, / Тѣло бѣлое, молодой казакъ. / Во груди у него пуля быстрая, / Во ногахъ у него стоять добрый конь* («Ужь ты поле мое») (II).

Сочетание *вороной конь* могло символизировать богатство, как, например, в свадебной песне XIV в. Нижегородской губернии: *Не ждала гостей, вдругъ наѣхали. / Полонъ домъ вороныхъ коней*, а также в песне «Бхаль панъ» (XIV–XV в., Нижегородской губернии и уезда): *Бхаль панъ, тѣхъ панъ, / Бхаль панъ отъ князя пьянъ. / Разыгрался подъ нимъ конь, / Разыгрался вороной* (II).

Современные фолк-певцы активно используют традиционные зоонимы. Так, например, при анализе текстов песен таких групп и исполнителей, как «Мельница», «Иван Купала», «Ветер воды», Пелагея мы выявили тот факт, что зоонимы подгруппы домашних животных сохраняют 76 % традиционных антропоморфных характеристик. Отметим примеры употребления зоонима *конь*: *Раненое сердце, / Острые стрелы, / Черные кони, / Ночи без сна* («Весна», Мельница); *Был меч его защитой для бедных и для слабых, / А конь, а конь был лучшим из коней* («Сонный Рыцарь», Мельница); *И ночи гонят черных коней / К востоку от солнца и к западу от луны* («Королевская охота», Мельница); *Эй, ой да конь мой вороной! / Эй, да обрез стальной!* («Вот пуля просвистела», Чиж&Со); *Ой, мне во сне привиделось, / Будто конь мой вороной / Разыгрался, расплясался, / Ой да разрезвился подо мной* («Ой да не вечер», Пелагея). Можно отметить, что в текстах современных песен зооним приобретает оттенок возвышенности – сохраняется образ коня как верного друга воина, символ, связанный с воинами как таковыми, однако утрачена символика коня как домашнего животного, ассоциировавшегося в более ранних песнях (особенно в песнях XIII–XV вв.) с трудом, интенсивной работой, домашним хозяйством. Данный факт можно объяснить историческими изменениями хозяйственного уклада, вследствие чего лошади перестали играть столь важную роль в жизни человека.

Рассмотрим употребление в русских народных песнях зоонима *корова*, который занимает особое место в русской языковой картине мира, отражая как утилитарно-хозяйственные, так и символические аспекты традиционной культуры. В лингвокультурологическом аспекте образ этого домашнего животного характеризуется амбивалентностью: с одной стороны, он ассоциируется с достатком, плодородием (как это можно наблюдать в устойчивых выражениях *корова-кормилица, красна баба новоем, корова – удоем*), с другой – может приобретать негативные коннотации, связанные с неповоротливостью или глупостью (как *корова на льду*). В ранних русских песнях мы отмечаем, скорее, первый аспект зоонима: *Продаль мужъ коровку / Съ лошадушкою* («Молодка»); *Ночь кочала да я детей, день коров доила / Ночь кочала да я детей, день коров доила, / Подоивши да я коров, хоровод ходила* («Пташечка», Пелагея; песня восходит к старинным народным песням Усвятского района), *Зачъм тебъ съно? / Корову кормити* («Попрыгала козка»); *Где был, Иванушка? На ярмарке. / Что купил, Иванушка? Коровушку. / Курочка по сеничкам зернышки клюет, / Уточка по лужице*

взад-вперед плывет, / Барашек в садике травушку жует, / Коровушка деткам молочко дает («Где был, Иванушка?»). Отношение к этому животному иллюстрирует народная песня «Коровушка»: *Уж как я ль мою коровушку люблю! / Уж как я ль-то ей крапивушки нарву! / Кушай вволюшку, коровушка моя, / Еши ты досыта, буренушка моя! / Уж как я ль мою коровушку люблю! / Сытна пойла я коровушке налью, / Чтоб сыта была коровушка моя, / Чтобы сливочек буренушки дала* (II).

Одна из самых распространенных современных песен с зоонимом корова – «Тридцать три коровы»: *Тридцать три коровы, / Стих родился новый, / Как стакан парного молока.* В «Песенка о корове» В. Орлова говорится о том, как несправедливо эти животные обделены вниманием поэтов и композиторов: *А где же эта музыка и где же это слово, / В которых отражалась бы коровья красота, / Где звонко прославлялась бы прекрасная корова, / Которая нам предана до кончика хвоста?* Данная песня отражает социально-экономические изменения в русском обществе: доля зоонима корова в текстах песенного жанра до XVII–XVIII вв. составляла 38 %, тогда как в современном песенном жанре частотность зоонима снизилась до 17 %.

Отметим также зоонимы, встречающиеся относительно редко, но тем не менее употребляющиеся в песнях разных периодов.

Что касается зоонима *коза*, в текстах песен часто актуализируется образ игривой козы, что соотносится с его традиционным наполнением в русской лингвокультуре: *Попрыгала козка / По бабынь-то грядкам* («Попрыгала козка»); *Овсень, овсень, каракульки. / Вскочил козел на барский двор. / «Пошто вскочил?* (полушутливая крестьянская песня «Вскочил козел на барский стол») (II). Зооним *коза* в целом занимает значимое место в русском фольклоре, что обусловлено как историко-хозяйственным значением данного животного в традиционном быту, так и яркой поведенческой спецификой. В детской песенной традиции образ козы представлен весьма разнообразно, варьируясь от безобидного персонажа до хитрого и даже опасного существа, как это ярко демонстрирует популярная песенка-сказка «Коза-дереза»: *Я, коза-дереза, / За три гроша куплена, / Полбока луплено, / Топу ногами, / Заколю тебя рогами, / Ножками затопчу, / Хвостиком замету!* Здесь происходит антропоморфизация образа козы, то есть она получает способность говорить, обманывать, строить избушку. Интересно, что подобная традиция нашла отражение в современном нью-фолк-жанре: *Ядреная, проклятая / И пламенем объята / Идет коза рогатая / За малыми ребятами* (III). В приведенном контексте коза наделяется демоническими чертами, что усиливает традиционно присущие фольклорному образу упрямство, хитрость, наглость и агрессивность. Интересен также метафорический образ зоонима в песне В. Высоцкого: *Отпускать грехи кому – это мне решать: / Это я — Козел отпущения!* Здесь встречается фразеологическое выражение *козел отпущения*, восходящее к Ветхому завету [17].

Что касается зоонима *овца*, во многих песнях и поговорках с помощью этой лексемы (часто в уменьшительно-ласкательной суффиксальной форме) актуализируется метафорический образ нежности, кротости, беззащитности: *Знать бы мне только имя, / Тайное слово / Черной моей овечки* («Овечка», Мельница): *Aх, ты, бедная овечка, / Что же бьется так сердечко? / Это любовь, / Наверно, любовь* («Бедная овечка», А. Свиридова).

Отметим еще один интересный контекст, в которой через метафорические образы зоонимов, привычных для русского народа, передается абсурдность событий: *Еще где же это видано, / Еще где же это слыхано, / Чтобы курочка бычка родила, / Поросеночекъ яичко снесъ* (песня XIV в. «Бычок») (IV).

Таким образом, проведенный количественный и семантический анализ зоонимов подгруппы домашних животных в русском песенном жанре выявил значительную диахроническую динамику их употребления и трансформации образов.

Заключение

В русском песенном дискурсе зоонимы подгруппы «домашние животные» (*конь, корова, собака, кошка*) образуют ядерную группу с выраженной семиотической значимостью, выступая важными элементами языковой картины мира. Можно заключить, что данные лексические единицы выполняют функцию культурного кода, отражающего базовые ценности и мировоззренческие установки русского этноса. Особый интерес представляет семантическое развитие данных зоонимов, отражающее их историческую эволюцию от фольклорной до современной песенной традиции.

Так, например, зооним *конь* в фольклорном дискурсе продолжает воплощать идеи воинской доблести и верности, и это находит выражение в текстах песенного жанра в сочетаниях *добрый конь, вороной конь*. Совершенно иную динамику демонстрирует зооним *собака*, претерпевший значительный семантический сдвиг: от негативных коннотаций в ранних текстах (*вор-собака*) до современного позитивного образа «друг человека», что отражает глубинные трансформации культурных установок. Зооним *кошка* сохраняет устойчивую положительную семантику, выступая в песенной традиции как воплощение архетипов домашнего уюта и психологического комфорта, особенно ярко проявляющихся в жанре колыбельных песен.

Зооним *корова* утратил семантический компонент ‘кормилица’, актуализировавшийся в языке эпохи аграрного общества. В современных текстах лексема встречается редко и чаще в ироничном или метафорическом контексте. Зооним *коза* подвергается в современном неофольклоре демонизации: если раньше *коза* ассоциировалась с плодовитостью и хитростью, то в современной культуре чаще связывается с нечистой силой. Зоонимы *овца* и *бык* сохраняют в песенной традиции маргинальный статус, сохраняя узкоспециализированные значения, *овца* при этом символизирует кротость, *бык* – мощь и агрессию.

Функциональный потенциал исследуемых зоонимов в русском песенном жанре реализуется в двух основных аспектах. С одной стороны, они выполняют образтворческую функцию, создавая яркие этнокультурные образы и визуализируя поэтические концепты. С другой стороны, им свойственна культурно-мнемоническая функция, обеспечивающая трансляцию исторических представлений и сохранение этнических стереотипов.

Перспективными направлениями дальнейших изысканий могут стать сопоставительный анализ региональных вариантов песен, изучение нефольклорных трансформаций зоонимов, а также компьютерно-лингвистическое моделирование их семантических полей, что позволит глубже понять механизмы взаимодействия языка и культуры в русской песенной традиции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- Сборник русских народных песен: сост. М. Балакиревым. М.: Музгиз, 1936. 81 с.
- Крестьянская пѣсни. Изд. А.Е. Пальчикова. С.-Петербургъ: Тип. Н.А. Лебедева, 1888. 234 с.
- Игнатов В.И. Русские исторические песни. М.: Высш. школа, 1970. 252 с.
- Памятники русского фольклора. Л.: Наука, 1973. 284 с.

Литература

1. Иванов Е.Е., Марфина Ж.В., Шкуран О.В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47–68. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>.
2. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 318 с.
3. Ковалев Г.Ф. Зооним как объект изучения литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 2 (49). С. 113–120. <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2023.57.68.017>.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. язык, 2000. Т. 1: А – О. 1210 с; Т. 2: П – Я. Т. 2. 1084 с.
5. Казыро Г.Н., Фокина А.А. Семантика пословиц марийского языка с зоонимами имне «лошадь» и ушкан «корова» // Вестн. угреведения. 2023. Т. 13, № 1 (52). С. 82–91. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-82-91>.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: URSS Ленанд, 2023. 366 с.
7. Словарь сочетаемости слов русского языка / П.Н. Денисов, Н.К. Зеленова, Е.М. Kochнева и др.; под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1983. 686 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
9. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Наука, 1990. 203 с.
10. Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. М.: Дрофа, 2004. 332 с.
11. Мерзликина О.В. Зооморфные метафоры «домашний скот» в русской и галисийской языковых картинах мира // Вестн. ТомГУ. Филология. 2021. № 71. С. 114–132. <https://doi.org/10.17223/19986645/71/7>.
12. Дыбо А.В., Никуленко Е.В. Зооморфная метафора «медведь» в русском, английском и языках Южной Сибири // Язык и культура. 2019. № 45. С. 78–95. <https://doi.org/10.17223/19996195/45/6>.
13. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Яз. славян. культур, 2006. 671 с.
14. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. Москва: Индрик, 2007. 599 с.
15. Голев Н.Д., Фаломкина И.П. О роли антропоцентрического фактора в реализации деривационного потенциала наименований копытных животных как мотивирующих лексем // Сибирский филологич. журн. 2021. № 3. С. 191–210. <https://doi.org/10.17223/1813 7083/76/15>.
16. Путилов Б.Н. Эпическое сказительство. М.: Вост. лит., 1997. 294 с.
17. Фразеология на пересечении культур: опыт Казанской фразеологической школы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2025. 192 с.

References

1. Ivanov E.E., Marfina Zh.V., Shkuran O.V. Animal nominations in Tuvan proverbs and sayings: Aspects of usage and studying. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 47–68. [\(In Russian\)](https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4)
2. *Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'* [Explanatory Dictionary of Translation Terms]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003. 318 p. (In Russian)
3. Kovalev G.F. Zoonym as an object of study of literary onomastics. *Aktual'nye Voprosy Sovremennoi Filologii i Zhurnalistiki*, 2023, no. 2 (49), pp. 113–120. [\(In Russian\)](https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2023.57.68.017)
4. Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [The New Explanatory and Word-Formation Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. Moscow, Russ. Yazyk, 2000. 1084 p. (In Russian)

5. Kazyro G.N., Fokina A.A. Semantics of Mari proverbs with the zoonyms *imne* (horse) and *ushkal* (cow). *Vestnik Ugrovedeniya*, 2023, vol. 13, no. 1 (52), pp. 82–91. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-82-91>. (In Russian)
6. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of the Proper Name]. Moscow, URSS Lenand, 2023. 366 p. (In Russian)
7. Denisov P.N., Zelenova N.K., Kochneva E.M., et al. *Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Collocations]. Denisov P.N., Morkovkin V.V. (Eds.). Moscow, Russ. Yazyk, 1983. 686 p. (In Russian)
8. Karasik V.I. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow, GNOZIS, 2004. 389 p. (In Russian)
9. Tsiv'yan T.V. *Lingvisticheskie osnovy balkanskoi modeli mira* [Linguistic Foundations of the Balkan Model of the World]. Vol. 2. Toporov V.N. (Ed.). Moscow, Russ. Yazyk, 2000. 1084 p. (In Russian)
10. Kostyukhin E.A. *Lektsii po russkomu fol'kloru* [Lectures on Russian Folklore]. Moscow, Drofa, 2004. 332 p. (In Russian)
11. Merzlikina O.V. Zoomorphic metaphors “livestock” in the Russian and Galician linguistic worldviews. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, no. 71, pp. 114–132. <https://doi.org/10.17223/19986645/71/7>. (In Russian)
12. Dybo A.V., Nikulenko E.V. The zoomorphic metaphor “bear” in the Russian, English, and Southern Siberian languages. *Language and Culture*, 2019, no. 45, pp. 78–95. <https://doi.org/10.17223/19996195/45/6>. (In Russian)
13. Zaliznyak A.A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in Language and Ways of Its Representation]. Moscow, Vost. Lit., 2006. 671 p. (In Russian)
14. Berezhovich E.L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolinguisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow, Indrik, 2007. 599 p. (In Russian)
15. Golev N.D., Falomkina I.P. On the role of the anthropocentric factor in the realization of the derivational potential of names of ungulates as motivating lexical units. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 3, pp. 191–210. <https://doi.org/10.17223/1813 7083/76/15>. (In Russian)
16. Putilov B.N. *Epicheskoe skazitel'stvo* [Epic Storytelling]. Moscow, Vost. Lit., 1997. 294 p. (In Russian)
17. *Frazeologiya na peresechenii kul'tur: opyt Kazanskoi frazeologicheskoi shkoly* [Phraseology at the Crossroads of Cultures: Looking Back at the Kazan School of Phraseology]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2025. 192 p. (In Russian)

Информация об авторе

Ли Фэн, ассистент кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: lifeng1990@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2812-4226>

Author Information

Li Feng, Assistant, Department of Sinology and Asia-Pacific Studies, Kazan Federal University

E-mail: lifeng1990@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2812-4226>

Поступила в редакцию 6.04.2025

Received April 6, 2025

Принята после рецензирования 10.06.2025

Revised June 10, 2025

Принята к публикации 15.08.2025

Accepted August 15, 2025